

Пасхальные истории
—
Спаси и сохрани

Москва
2024

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)я43
С71

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
Книге присвоен номер ИС Р24-403-0065

Спаси и сохрани. Пасхальные истории. — Москва :
С71 Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-196265-4

«Необыкновенные эти дни — страстные. Христовы дни. Мне теперь ничего не страшно: прохожу темными сениями — и ничего, потому что везде Христос». Мальчик искренне чувствует присутствие Бога в своей жизни, отпустил страхи и радуется светлому дню. Любимые русские классики: Гоголь, Лесков, Бунин, Чехов, Андреев, Куприн, Шмелев воспели Великий пост и Христово Воскресение в рассказах этого сборника. Чтобы человек не забывал о Боге и чувствовал его присутствие в обычной жизни, поступал по-христиански всегда и во всем.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)я43

ISBN 978-5-04-196265-4

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

«Спаси и сохрани!» или «Господи, помилуй!» — шепчем мы в трудную минуту, с надеждой поднимая глаза к образу Спасителя. Стоим ли мы перед иконами в православном храме, или молимся в минуты опасности, когда кажется, что никто кроме Господа уже не может помочь. С надеждой мы молим Бога о помощи и точно знаем, что если не Он, то уже никто не поможет.

Так уповали на Господа наши предки, которые с детских лет воспитывались в Православной вере. Глубокая искренняя вера развивала самые лучшие черты характера, которые потом определяли всю дальнейшую жизнь человека, любовь к Богу и к ближнему, милосердие, готовность прощать, прийти на помощь в трудную минуту, отдать последнее тому, кто больше нуждается. Как не хватает этих качеств нам, жителям современного мира! Мира, который забыл христианские идеалы, превратился в общество потребления и вседозволенности.

Мы достигли огромного прогресса в науке, технике, медицине, пользуемся удобными приспособлениями, которые и не снились жителям прежних времен. Средства массовой информации предлагают следовать разнообразным философским и религиозным течениям и идеям, а человек все равно продолжает искать смысл своего существования. В Евангелии мы, несомненно, найдем ответы на свои вопросы и поймем — в чем смысл нашей жизни

здесь, на земле. Преподобный Серафим Саровский говорил, что смыслом жизни православного человека является стяжание Святого Духа.

Большинство литературных произведений рубежа XIX и XX веков основано на христианских идеалах. Этот сборник повестей и рассказов известных русских писателей приоткрывает нам дверь в прежнюю, дореволюционную Россию, где слова Бог и вера, следование евангельским заповедям были органичной основой существования огромного большинства жителей страны. Первые детские впечатления, связанные с церковными праздниками, домашние православные традиции, привычка сверять свои поступки со Священным Писанием — вот основные темы тщательно подобранных произведений этой книги.

Многие из них посвящены самому радостному празднику — Пасхе — Светлому Христову Воскресению. По словам святителя Григория Богослова, Пасха — «праздников праздник и торжество есть торжество». В этот день Господь наш Иисус Христос воскрес из гроба, «победив смертью смерть». Для христианина с тех пор смерти нет, она только «иною жития начало». С апостольских времен в этот «нареченный и святой день» верующие приветствуют друг друга радостной вестью о воскресшем Спасителе, говоря друг другу: «Христос воскрес!» И отвечают: «Воистину воскрес!»

Иван Шмелев замечательно пишет в рассказе «Пасха» о Страстной неделе, днях подготовки к пасхальным торжествам: «Кажется мне, что на нашем дворе Христос. И в коровнике, и в конюшнях, и на погребнице, и везде. В черном крестике от моей свечки — пришел Христос. И все — для Него, что делаем. Двор чисто выметен, и все уголки подчищены, и под навесом даже, где был навоз. Необыкновенные эти дни — страстные, Христовы дни.

Мне теперь ничего не страшно: прохожу темными сенями — и ничего, потому что везде Христос».

Так маленький мальчик искренне чувствует присутствие Бога в своей жизни. А ведь Христос всегда рядом с нами. И Он хочет, чтобы не только в храме, но и в обычной жизни человек оставался с Ним, жил и поступал по-христиански дома, на работе, в транспорте, на улице.

Кажется, что давным-давно, в позапрошлом веке ходили люди на богомолье в Лавру к Преподобному Сергию, но читаем рассказ «На Святой дороге» и чувствуем связь времен: «Лезем на колокольню. Высота-а... — кружится голова. Крутом, куда ни глянешь, только боры и видно. Говорят, что там и теперь медведи; водятся и отшельники. Внизу люди кажутся мошками, а собор Преподобного — совсем игрушечный».

И сейчас стоят в Лавре соборы и колокольня, только вокруг уже не густые леса, а шумный город Сергиев Посад, отшельников не найдешь, но люди все идут и идут в святую обитель. Спросим себя — есть ли в нас милосердие и искренняя горячая вера, такая, как у героя рассказа паренька Феди, который снял лаковые сапоги и отдал их больному мальчику на тележке с надеждой, что тот непременно исцелится у раки Преподобного, встанет на ноги и тогда, Бог даст, сапоги ему обязательно понадобятся. «От горя не отворачивайся... грех это!» — учили тогда детей.

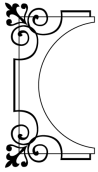
Стоило мещанину Торчакову из рассказа Антона Чехова «Казак» равнодушно проехать в пасхальную ночь мимо больного казака, пожадничать и не угостить его освященной пасхой, как все его дела и даже семейная жизнь пошли под откос. А одиноких героев рассказа Александра Куприна «По-семейному» в Пасху объединяет неожиданное приглашение, совместная пасхальная трапеза, которую устраивает им соседка — женщина легкого поведения.

Христос всегда рядом с нами, и с грешниками в первую очередь.

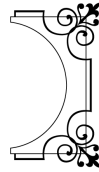
Но, наверное, самый пронзительный в сборнике рассказ Николая Лескова «Фигура». Подгулявший, пьяный казак в пасхальную ночь наносит офицеру тяжелое оскорбление, по правилам воинской чести офицер должен зарубить казака на месте, но он вспоминает заповедь Бога «не убий» и рассуждает так: «Что сделать? С кем посоветуюсь?.. Всего лучше с тем, кто сам это вынес. Иисус Христос!.. Тебя самого били?.. Тебя били, и ты простил... а я что пред тобою... я червь... гадость... ничтожество! Я хочу быть *твой*: я простил! я *твой* ...» Офицер пощадил казака, был уволен со службы, но душу свою сберег.

Будем и мы с вами, читая пронизанные евангельским духом рассказы русских классиков, стремиться оказывать людям милосердие, прощать и любить.

Протоиерей Александр Васильев

Н. В. Гоголь

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья. Он это чувствует живой, если ему случится быть в чужой земле. Видя, как повсюду в других странах день этот почти не отличен от других дней, — те же всегдашние занятия, та же вседневная жизнь, то же будничное выражение на лицах, — он чувствует грусть и обращается невольно к России. Ему кажется, что там как-то лучше празднуется этот день, и сам человек радостней и лучше, нежели в другие дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдруг представятся — эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный звон, который как всю землю сливает в один гул, это восклицанье «Христос Воскрес!», которое заменяет в этот день все другие приветствия, это поцелуй, который только раздается у нас, — и он готов почти воскликнуть: «Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!» Разумеется, все это мечта; она исчезнет вдруг, как только он перенесется на самом деле в Россию или даже только припомнит, что день этот есть день какой-то полусонной беготни и суеты, пустых визитов, умышленных незаставаний друг друга, наместо радостных встреч, — если ж и встреч, то основанных на самых корыстных

расчетах; что честолюбие кипит у нас в этот день еще больше, чем во все другие, и говорят не о Воскресенье Христа, но о том, кому какая награда выйдет и кто что получит; что даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня, и не успела еще заря осветить земли. Вздохнет бедный русский человек, если только все это припомнит себе и увидит, что это разве только карикатура и посмеянье над праздником, а самого праздника нет. Для проформы только какой-нибудь начальник чмокнет в щеку инвалида, желая показать подчиненным чиновникам, как нужно любить своего брата, да какой-нибудь отсталый патриот, в досаде на молодежь, которая бранит старинные русские наши обычаи, утверждая, что у нас ничего нет, прокричит гневно: «У нас все есть — семейная жизнь, и семейные добродетели, и обычаи у нас соблюдаются свято; и долг свой исполняем мы так, как нигде в Европе; и народ мы на удивление всем».

Нет, не в видимых знаках дело, не в патриотических возгласах и не в поцелуе, данном инвалиду, но в том, чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, — так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться, как бы своему наилучшему другу, с которым несколько лет не видались и который вдруг неожиданно к нам приехал. Еще сильнее! еще больше! потому что узы, нас с ним связывающие, сильнее земного кровного нашего родства, и породнились мы с ним по нашему прекрасному Небесному Отцу, в несколько раз нам ближайшему нашего земного отца, и день этот мы — в своей истинной семье, у Него Самого в дому. День этот есть тот святой день, в кото-

рый празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека. Как бы этот день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому веку, когда мысли о счастье человечества сделались почти любимыми мыслями всех; когда обнять все человечество, как братьев, сделалось любимой мечтой молодого человека; когда многие только и грезят о том, как преобразовать все человечество, как возвысить внутреннее достоинство человека; когда почти половина уже признала торжественно, что одно только христианство в силах это произвести; когда стали утверждать, что следует ближе ввести Христов закон как в семейственный, так и в государственный быт; когда стали даже поговаривать о том, чтобы все было общее — и дома, и земли; когда подвиги сурдоболия и помощи несчастным стали разговором даже модных гостиных; когда, наконец, стало тесно от всяких человеколюбивых заведений, странноприимных домов и приютов. Как бы, казалось, девятнадцатый век должен был радостно воспродновать этот день, который так по сердцу всем великодушным и человеколюбивым его движениям! Но на этом-то самом дне, как на пробном камне, видишь, как бледны все его христианские стремленья и как все они в одних только мечтах и мыслях, а не в деле. И если, в самом деле, придется ему обнять в этот день своего брата, как брата — он его не обнимет. Все человечество готов он обнять, как брата, а брата не обнимет. Отделись от этого человечества, которому он готовит такое великодушное объятие, один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мнениях, — он уже не обнимет его. Отде-

лись от этого человечества один, страждущий видней других тяжелыми язвами своих душевных недостатков, больше всех других требующий сострадания к себе, — он оттолкнет его и не обнимет. И достанется его объятие только тем, которые ничем еще не оскорбили его, с которыми не имел он случая столкнуться, которых он никогда не знал и даже не видел в глаза.

Вот какого рода объятие всему человечеству дает человек нынешнего века, и часто именно тот самый, который думает о себе, что он истинный человеколюбец и совершенный христианин! Христианин! Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, вместо того, чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане!

Нет, не воспрядновать нынешнему веку Светлого праздника так, как ему следует воспрядноваться. Есть страшное препятствие, есть непреодолимое препятствие, имя ему — *гордость*. Она была известна и в прежние веки, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного развития, в каком предстала теперь. Теперь явилась она в двух видах. Первый вид ее — гордость чистотой своей.

Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века влюбилось в чистоту и красоту свою. Никто не стыдился хвастаться публично душевной красотой своей и считать себя лучшим других. Стоит только приглядеться, каким рыцарем благородства выступает из нас теперь всяк, как беспощадно и резко судит о другом. Стоит только прислушаться к тем оправданиям, какими он оправдывает себя в том, что не обнял своего брата даже в день Светлого Воскресенья. Без стыда и не

дрогнув душой, говорит он: «Я не могу обнять этого человека: он мерзок, он подл душой, он запятнал себя бесчестнейшим поступком; я не пущу этого человека даже в переднюю свою; я даже не хочу дышать одним воздухом с ним; я сделаю крюк для того, чтобы объехать его и не встречаться с ним. Я не могу жить с подлыми и презренными людьми — неужели мне обнять такого человека, как брата?» Увы! позабыл бедный человек девятнадцатого века, что в этот день нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди — братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое. Все разом и вдруг им позабыто: позабыто, что, может быть, затем именно окружили его презренные и подлые люди, чтобы, взглянувши на них, взглянул он на себя и поискал бы в себе того же самого, чего так испугался в других. Позабыто, что он сам может на всяком шагу, даже не приметив того сам, сделать то же подлое дело, хотя в другом только виде, — в виде, не пораженном публичным позором, но которое, однако же, выражаясь пословицей, есть тот же блин, только на другом блюде. Все позабыто. Позабыто им то, что, может, оттого развелось так много подлых и презренных людей, что сурово и бесчеловечно их оттолкнули лучшие и прекраснейшие люди и тем заставили пуще ожесточиться. Будто бы легко выносить к себе презренье! Бог весть, может быть, иной совсем был не рожден бесчестным человеком; может быть, бедная душа его, бессильная сражаться с соблазнами, просила и молила о помощи и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостью душевной, поддержал бы ее на краю пропасти. Может быть, одной капли любви к нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорогой любви было

трудно достигнуть к его сердцу! Будто уже до того окаменела в нем природа, что никакое чувство не могло в нем пошевелиться, когда и разбойник благодарен за любовь, когда и зверь помнит ласкавшую его руку! Но все позабыто человеком девятнадцатого века, и отталкивает он от себя брата, как богач отталкивает покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего. Ему нет дела до страданий его; ему бы только не видать гноя ран его. Он даже не хочет услышать исповеди его, боясь, чтобы не поразилось обонянье его смрадным дыханьем уст несчастного, гордый благоуханьем чистоты своей. Такому ли человеку воспрядновать праздник небесной Любви?

Есть другой вид гордости, еще сильнейший первого — гордость ума. Никогда еще не возростала она до такой силы, как в девятнадцатом веке. Она слышится в самой боязни каждого прослыть дураком. Все вынесет человек века: вынесет названье плута, подлеца; какое хочешь дай ему названье, он снесет его — и только не снесет названье дурака. Над всем он позволит посмеяться — и только не позволит посмеяться над умом своим. Ум его для него — святыня. Из-за малейшей насмешки над умом своим он готов сию же минуту поставить своего брата на благородное расстоянье и посадить, не дрогнувши, ему пулю в лоб. Ничему и ни во что он не верит; только верит в один ум свой. Чего не видит его ум, того для него нет. Он позабыл даже, что ум идет вперед, когда идут вперед все нравственные силы в человеке, и стоит без движенья и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы. Он позабыл и то, что нет всех сторон ума ни в одном человеке; что другой человек может видеть именно ту сторону вещи, которую он не может видеть и, стало быть, знать того, чего он не может знать. Не верит он этому, и все,

чего не видит он сам, то для него ложь. И тень христианского смирения не может к нему прикоснуться из-за гордыни ума. Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в Боге усумнится, но не усумнится в своем уме. Уже ссоры и брани начались не за какие-нибудь существенные права, не из-за личных ненавистей — нет, не чувственные страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуют лично из несходства мнений, из-за противоречий в мире мысленном. Уже образовались целые партии, друг друга не видевшие, никаких личных сношений еще не имевшие — и уже друг друга ненавидящие. Поразительно: в то время, когда уже было начали думать люди, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другой дорогой, с другого конца входит в мир, — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепоглощающая саранча, нападает на сердце людей повсюду. Уже и самого ума почти не слышно. Уже и умные люди начинают говорить ложь противу собственного убеждения, из-за того только, чтобы не уступить противной партии, из-за того только, что гордость не позволяет сознаться перед всеми в ошибке — уже одна чистая злоба воцарилась наместо ума.

И человеку ли такого века уметь полюбить и почувствовать христианскую любовь к человеку? Ему ли исполниться того светлого простодушия и ангельского младенчества, которое собирает всех людей в одну семью? Ему ли услышать благоухание небесного братства нашего? Ему ли воспрядновать этот день? Исчезнуло даже и то наружно добродушное выражение прежних простых веков, которое давало вид, как будто бы человек был ближе к человеку. Гордый ум девятнадцатого века истребил его. Дьявол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться

в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своем виде. Почуя, что признают его господство, он перестал уже и чиниться с людьми. С дерзким бесстыдством смеется в глаза им же, его признающим; глупейшие законы дает миру, какие доселе еще никогда не давались, — и мир это видит и не смеет послушаться. Что значит эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустил вначале человек, как мелочь, как невинное дело, и которая теперь, как полная хозяйка, уже стала распоряжаться в домах наших, выгоняя все, что есть главнейшего и лучшего в человеке? Никто не боится преступать несколько раз в день первейшие и священнейшие законы Христа и, между тем, боится не исполнить ее малейшего приказанья, дрожа перед нею, как робкий мальчишка. Что значит, что даже и те, которые сами над нею смеются, пляшут, как легкие ветреники, под ее дудку? Что значат эти так называемые бесчисленные приличия, которые стали сильнее всяких коренных постановлений? Что значат эти странные власти, образовавшиеся мимо законных, — посторонние, побочные влияния? Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии помазанники остались в стороне? Люди темные, никому не известные, не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мненьями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые, видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством! И к чему при таком ходе вещей сохранять еще наружные святые

обычаи Церкви, Небесный Хозяин которой не имеет над ними власти? Или это еще новая насмешка духа тьмы? Зачем этот утративший значение праздник? Зачем он вновь приходит глуше и глуше скликать в одну семью разошедшихся людей и, грустно окинувши всех, уходит, как незнакомый и чужой всем? Всем ли точно он незнаком и чужд? Но зачем же еще уцелели кое-где люди, которым кажется, как бы они светлеют в этот день и празднуют свое младенчество, — то младенчество, от которого небесное лобзание, как бы лобзание вечной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратил гордый нынешний человек? Зачем еще не позабыл человек навеки это младенчество и, как бы виденное в каком-то отдаленном сне, оно еще шевелит нашу душу? Зачем все это и к чему это? Будто неизвестно, зачем? Будто не видно, к чему? Затем, чтобы хотя некоторым, еще слышащим весеннее дыхание этого праздника, сделалось бы вдруг так грустно, так грустно, как грустно ангелу по Небе. И, завопив раздирающим сердце воплем, упали бы они к ногам своих братьев, умоляя хотя бы один этот день вырвать из ряда других дней, один бы день только провести не в обычаях девятнадцатого века, но в обычаях Вечного Века, в один бы день только обнять и обхватить человека, как виноватый друг обнимает великодушного, все ему простившего друга, хотя бы только затем, чтобы завтра же оттолкнуть его от себя и сказать ему, что он нам чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать так, хотя бы только насильно заставить себя это сделать, ухватиться бы за этот день, как утопающий хватается за доску! Бог ведь, может быть, за одно это желанье уже готова сброситься с Небес нам лестница и протянуться рука, помогающая взлететь по ней.